

Бондаренко Дмитрий Михайлович
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор
директор Международного центра социальной антропологии НИУ ВШЭ,
заместитель директора Института Африки РАН, профессор РГГУ

Субсахарская Африка:

социальная антропология как ключ к пониманию социокультурной истории

Несомненен факт, что, несмотря на все колоссальные перемены, произошедшие по ходу истории, включая колониальный и постколониальный периоды, культуры субсахарской Африки и сегодня сохраняют свою идентичность, оставаясь именно африканскими культурами по сути. А это означает, что вне видимых новшеств они по-прежнему базируются на присущих им издавна основаниях. Благодаря этим социо-культурным первоосновам Африка осталась Африкой, а не превратилась в «филиал» Европы, несмотря на прямое и во многих отношениях сильное воздействие с ее стороны в колониальный период.

Социоантропологическое изучение субсахарской Африки показывает, что фундаментальной первоосновой ее культур на всем обозримом протяжении истории и вплоть до наших дней, как на африканском континенте, так и в диаспоре является воплощение в них принципа общинности. В нашем понимании, он заключается в способности общинных по происхождению и сути мировоззрения, сознания, поведенческой модели, социально-политических норм и отношений распространяться на всех, в том числе над- и внеобщинных, уровнях организации социума. Таким образом, общинность вытекает, но никоим образом не сводится к тому факту, что в Африке община всегда была и остается базовым институтом, ядром общественной жизни, в которой также сложились аутентичные (так называемые «традиционные») мировидение и духовность африканцев.

И в прошлом, и в настоящем общины в Африке демонстрируют большое разнообразие типов и форм, от локальных групп до территориальных соседских общин. Наиболее же распространена община, состоящая из больших семей, в свою очередь, делящихся на домохозяйства, поскольку она адекватна условиям занятия

ручным подсечно-огневым земледелием, издавна являющимся хозяйственной основой большинства народов Африки. В отдельной большой семье родственные и территориальные связи сочетаются по определению, а в гетерогенной общине, состоящей из нескольких больших семей, ситуация, естественно, еще более сложная. Можно выделить два варианта такой общины. Первый представлен, например, у нигерийских бини, народов Центрального Камеруна, шона Зимбабве. Там большие семьи, составляющие общину, считаются родственными друг другу, и потому родственные связи превалируют над территориальными в общине в целом. Другой вариант – при котором большие семьи в общине не поддерживают родственных отношений (как у западноафриканских бамбара и сонгай). В такой ситуации на уровне общины территориальные связи доминируют над родственными. В социологическом смысле это означает, что принцип общинности не тождественен принципу родства, пусть формулирование и выражение в категориях родства самых разных отношений, в том числе выходящих за пределы общины политических, и присуще африканской культуре.

В итоге долгих острых дискуссий утвердился взгляд на общину как древнейшую и почти универсально распространенную форму социальной организации доиндустриальных обществ, начиная с социумов раннепервобытных охотников-собираателей. В Африке община пережила все исторические эпохи. В доколониальные времена социально-политическая эволюция, заключавшаяся прежде всего в формировании и развитии сложных (т.е. имеющих надобщинные уровни социально-политической интеграции) обществ на большей части континента, не привела к подрыву фундаментальной социо-культурной роли общины. Наоборот, чаще всего община служила «матрицей», «моделью» для социально-политических институтов, выраставших над ней.

Община не была разрушена и в результате гораздо более быстрых и резких перемен времён колониализма. В частности, провалились почти все попытки колонизаторов насадить частную собственность на землю, предполагающую право ее свободной продажи (что, как показывает всемирная социальная история, ведет к краху общины). Единственным исключением стало введение системы «маило» в Буганде – ядре британского протектората Уганда, что, несомненно, стало возможным потому, что уже в доколониальном королевстве Буганда вызревали

предпосылки для появления частной собственности, в том числе на землю, что было уникальным явлением для субсахарской Африки. В целом же частная собственность в политэкономическом смысле была африканцам неизвестна. При этом они верили, что земля принадлежит предкам. Вследствие этого африканцы были убеждены в своей особой, но не собственнической связи с землей: люди и земля воспринимались как принципиально неотчуждаемые друг от друга, поскольку ныне живущие образовывали неразрывное единство с духами своих предков. В конечном счете, община превратилась в неотъемлемую часть колониального общества, без которой колониальная эксплуатация не могла бы быть эффективной, а может быть и вообще возможной, по крайней мере, в таких масштабах.

Сегодня, спустя более полувека после получения независимости большинством африканских стран, невзирая на рост миграций в города, большинство населения континента по-прежнему остается сельским, а следовательно, общинным. Сосуществование общины и государства – одна из типичнейших и важнейших черт социально-политической структуры многих современных стран Африки. Причем скорее следует вести речь об их именно сосуществовании, а не органической коэволюции, т.к. государство, по крайней мере, в своей нынешней форме, появилось в Африке не в результате протекания внутренних процессов, но путем искусственного насаждения и внедрения в конце XIX–XX вв.

Упадок общины взаимосвязан со становлением капитализма. Следовательно, с одной стороны, продолжающееся поныне сосуществование общины и современных экономических, социальных, политических и культурных элементов говорит о внутренней эклектичности современных африканских обществ, что необходимо рассматривать как важный итог нарушения их саморазвития вследствие европейской колонизации. С другой же стороны, Африка до сего дня сохранила свою социо-культурную идентичность именно потому, что община не просто продолжает существовать, но остается фундаментальным институтом, определяющим роль общинности как базового принципа, воплощающегося не только в, но и вне общины как конкретного социального института – в более широком, сложном обществе. Неуничтожимость общины на всем протяжении

африканской истории со всеми ее пертурбациями показывает, что сегодня она – не пережиток, не обломок прошлого, но ярчайшее и самое значимое выражение глубинной сути африканской цивилизации как цивилизации общинной: позволим себе повторить, что общинность как социо-культурное основание, хотя и вытекает из факта временной и пространственной универсальности в субсахарской Африке института общины, не сводится к нему. Говоря кратко, общинность может быть названа базовым принципом частной и общественной жизни в африканском социуме, организующим его во всех сферах и на всех уровнях, включая выходящие далеко за пределы общины.

Общинность не тождественна коллективизму, что прямо связано с тем, что в большинстве типов общин, распространенных в Африке, наблюдается сочетание прав общины как целого и отдельной семьи на одни и те же средства производства, включая обрабатываемую землю. Характерно, что все попытки основать постколониальное общество на идеях «африканского социализма» оказались безуспешными. Одной из главных причин этого было то, что при всем многообразии этих идей в трактовке различных идеологов (К. Нкрумы в Гане, А. Секу Туре в Гвинее, танзанийца Дж. Ньерере и др.), в ключевом аспекте их взгляды были едины: африканский крестьянин, член общины и представитель крупнейшей социальной группы страны, – якобы «социалист по натуре», как столетием ранее говорили о русском крестьянине народники – интеллектуальные предшественники этих африканских лидеров. То есть эти идеологи игнорировали дуалистическую природу общины, преувеличивая роль в ней коллективистского начала и недооценивая значение начала индивидуалистического. Как только крестьянин был лишен государством стимулов трудиться на благо себя и своей семьи, сельское хозяйство – основа национальной экономики – впало в глубокий кризис, который, в свою очередь, существенно способствовал общему кризису социально-политической системы. В частности, в Танзании новообразованные деревни («уджамаа») показали свою экономическую неэффективность уже менее чем через десятилетие после начала социального эксперимента – ко второй половине 1970-х гг.

Естественно, африканская «модальная личность» соответствует общинной социальной реальности, в которой она и формировалась. Африканцу не отдельный

человек, а общество видится «мерой всех вещей», центром Вселенной, а принципом ее существования – подобие всего всему, и следовательно, каждого человека каждому. Поэтому в сознании людей проблемы, нужды и возможности общества не есть простая сумма проблем, нужд и возможностей его отдельных членов, а представляются касающимися общинного коллектива как целого. Это так потому, что общинное мировидение социоцентрично: люди воспринимают свое общество как важнейший элемент, фокус Вселенной (ср. с античным и новоевропейским антропоцентризмом и средневековым теоцентризмом). Социоцентризм аутентичного мировидения африканцев вытекает из их веры в то, что судьба Вселенной зависит от воли духов предков и божеств их народа, потому что именно они некогда сотворили мир. Но их воля, добрая или злая, – не что иное, как реакция на поведение потомков, правильное или неправильное.

В социоцентричной культуре бытие чего-либо действительно важно, но возможно только в рамках более широкого и четко очерченного круга объектов того же порядка; в случае с человеком – в коллективе. Соответственно, этика – вопросы добра и зла – становится функцией не индивида, а общества. В таком социуме нет ничего, о чем его член мог бы сказать: «Это мое личное дело». Например, человек не может считать сугубо личным вопрос о том, стоит ли ему обзаводиться детьми: расширение родственной сети и уверенность в том, что после смерти индивида найдется кому отправлять его культ как предка, важны для всего коллектива. Потому отказ от продления рода рассматривается как акт в основе своей социальный – как отказ выполнять общественный долг. Традиционно бездетные люди становились в обществе изгоями, их одновременно боялись и презирали. Примечательно, что такое отношение не изменилось по сей день. Так, во многих постколониальных африканских культурах бездетных людей, как и прежде, считают ведьмами и колдунами, их не хоронят на общинных кладбищах, или, по крайней мере, с совершением всего цикла похоронных обрядов.

Однако, вопреки убеждению, распространенному среди европейцев со времени первых путешественников в субсахарскую Африку, индивид в ней не «поглощен» коллективом, не «растворен» в нем, а имеет очевидную собственную ценность. Она проистекает из идеи об уникальности не индивидуальности, но места каждого человека во Вселенной, его незаменимости в ней и в общинном

коллективе как ее центре. Ведь именно этот человек – сын, брат, отец тех или иных членов общины, потомок определенных предков. Культ предков составляет сердцевину аутентичных африканских религии и мировидения, «грунт» картины мира. Еще в начале XX в. выдающийся исследователь африканских культур П. Толбот подчеркивал, что «не может надеяться оценить мысли и чувства черного человека тот, кто не сознает, что для него мертвые – не мертвые, но живые с полным обладанием всеми своими способностями, включая память, и наделенные большими дарованиями и возможностями, чем когда они были на земле». Сегодня повсеместно в Африке культ предков достаточно легко уживается с христианством и исламом в формах синкретизма и бирелигиозности.

Итак, культ предков диктует как важнейшую задачу ныне живущих поддержание должных отношений с духами предков, которые могут либо вознаградить своих потомков всеми благами, либо погубить весь мир. Поэтому модели поведения, уже доказавшие свою безопасность с точки зрения реакции предков, т.е. те, которым следуют из поколения в поколение, всегда однозначно предпочитают любым новым; новизна как таковая видится чем-то рискованным и, следовательно, заведомо нежелательным. Поскольку течение жизни видится циклическим, в котором все новое, по сути, – повторение старого, общество сконцентрировано на простом социально-экономическом и культурном воспроизводстве самого себя (тем самым придавая общине и принципу общинности дополнительные устойчивость и значимость). Поведение же любого отдельного члена общества представляется неизбежно затрагивающим всех, т.к. предки считаются одновременно личными (своих непосредственных потомков) и коллективными (всей общины). Следовательно, каждый значим для поддержания жизненно важного хрупкого вселенского баланса между ныне живущими и предками и несет за него ответственность. Роль индивида в том, что мы называем «историей», кажется очень большой, поскольку миф – основная форма ее восприятия в аутентичном бесписьменном африканском обществе – допускает волюнтаризм путем внесения рассказчиком изменений в текст, дает веру в возможность изменения прошлого интеллектуальным усилием (и в этом смысле миф в действительности противостоит истории). В то же время не только все члены общины как индивиды, но и община как целое ответственна перед предками,

которые тоже воспринимаются как одновременно индивиды и, что еще важнее, коллектив – сонм духов. В конечном счете, общинность требует согласованных действий по поддержанию вселенского равновесия и взаимной ответственности за правильность поведения. Принцип общинности, в чем бы он ни проявлялся – религии, политике, социальных или экономических отношениях, основан на взаимодействии индивида и коллектива, и интересы последнего, хотя и не подавляют интересы первого, считаются приоритетными.

В противоположность новоевропейским идеям, в аутентичной африканской культуре быть личностью означает не проявлять индивидуальность, непохожесть на других членов общества, но уподобляться им. Только так африканец обретает и ощущает свои незаменимость и уникальность. Исключительность человека заключается не в неповторимости его качеств и черт, а в своеобразии его социальной роли и позиции. Коллектив, в сознании африканцев объединяющий ныне живущих и их предков, воспринимается в общинных понятиях и категориях. Его приоритет перед индивидом, таким образом, служил мировоззренческой основой существования общины во все времена как всеобъемлющей первоосновы африканских обществ. Как любой человек мог иметь доступ к участку земли только как член общины, так и быть социально полноценным и состоятельным он мог лишь как достойный, в известном смысле типичный, член общинного коллектива. Принцип общинности выдвигает в качестве императива уподобление индивида другим членам коллектива и поведение в рамках общепринятой модели. Только основываясь в помыслах и поступках на признании первичности и верховенства коллектива над индивидом как абсолютной общественной нормы (что, в принципе, не предполагает обязательности следования ей), африканец в аутентичной культуре может сознавать себя личностью, только в коллективе он может чувствовать себя по-настоящему свободным.

Еще раз отметим, что общинность как социо-культурный принцип прямо связана с тем обстоятельством, что община является базовым, фундаментальным социальным институтом на всем протяжении африканской истории. Но общинность шире общины в том смысле, что, как принцип организации общественной жизни и основание культуры, она вполне может проявлять себя в сложных обществах, далеко за рамками общины, когда община является либо

подлинной «матрицей» для построения сложного общества, либо хотя бы идеологической метафорой, служащей опорой для его построения. Общинность и стала фундаментальным социо-культурным принципом именно потому, что оказалась в состоянии выйти за рамки общины. Глубинная общинность африканской культуры нашла важные проявления в над- и внеобщинном контекстах и в ходе в целом саморазвития большинства африканских обществ в доколониальный период, и в колониальные и постколониальные времена, когда совершенно новые, генетически не связанные с общиной институты отчасти были насаждены, а отчасти выросли на местной почве. Напомним, что выше принцип общинности был определен нами как способность общинных по происхождению и сути мировоззрения, сознания, поведенческой модели, социально-политических норм и отношений распространяться на всех уровнях сложности социума, включая, пусть и в модифицированном, а иногда даже искаженном виде, уровни социологически над- и внеобщинные.

Очень хорошим подтверждением сказанного выше является африканский город. Иногда африканскую цивилизацию называют «сельской» или «деревенской». В субсахарской Африке есть по меньшей мере три исторические области, в которых города процветали задолго до того, как в колониальный период множество новых городов было основано по всему континенту. Эти области – Западный Судан, Верхняя Гвинея и побережье Индийского океана. Однако «африканские доколониальные города имели отчетливо аграрный характер с большинством мужского населения, регулярно отправляющимся на поля в паре миль от города. В таких городах сельским хозяйством начинали заниматься на любом подходящем участке и в самом городе». Соответственно, в социальном отношении эти города представляли собой сложные композиции из немалого количества общин, подобных деревенским, каждая из которых обычно занимала в городе отдельный квартал. Таким образом, доколониальный африканский город не был отделен от деревни, но наоборот, сохранял с ней экономический, социальный и культурный континуитет. Город и деревня были равно немислимы без общины и вместе они образовывали внутренне непротиворечивую социально-экономическую и социо-историческую ткань доколониальной африканской культуры. Цивилизацию субсахарской Африки правильно называть не «сельской» или

«деревенской», а «общинной».

Колониализм способствовал искажению общинной социальной композиции «старых», «традиционных» городов вследствие появления в них промышленности и интенсификации миграции в них из сельской местности, с одной стороны, и породил огромное количество «новых» городов, в первую очередь крупных, изначально преимущественно не общинных в социальном и не аграрных в экономическом отношениях, с другой. Эти тенденции еще более усилились в период независимости. Тем не менее, принцип общинности сохранился в социально трансформировавшихся старых и проник в новые города, находя разнообразные проявления; иногда позитивные для общества, иногда уродливые. Например, большинство мигрантов в города, особенно недавние мигранты, отсылают часть заработанных денег в родные селения, многие из них стараются ездить туда на праздники или по другим поводам. Помимо этого, мы упомянем лишь два из многих ярких проявлений общинности в городе, которые автор настоящей работы лично наблюдал в десятке африканских государств. Эти проявления – очень разные, тем самым показывающие, сколь большим может быть размах возможных различий между ними.

В крупных африканских городах, служащих центрами притяжения для мигрантов со всей страны, таких как Аккра, Дар-эс-Салам, Котону, Лагос, Луанда или Лусака, по инициативе самих горожан образуются ассоциации выходцев из одного региона, члены которых связаны обязательством взаимопомощи. Примечательно, что эти ассоциации – именно региональные, а не этнические: например, в Дар-эс-Саламе люди из одного полиэтничного региона вступают в одну ассоциацию, независимо от этнической принадлежности. Даже если уроженцы одного региона и их потомки не концентрируются в определенном районе города, а расселены в нем дисперсно, они, как правило, стремятся к общению и кооперации друг с другом.

В то же время в крупных городах Африки существуют районы, жители которых, несмотря на различия между ними с точки зрения региона происхождения, этнической и религиозной принадлежности, считают себя образующими не случайную группу соседей, а особую единицу общества. В противоположность предыдущему примеру, в этом случае люди не стремятся

сохранить в новой социо-культурной среде свою «догородскую» идентичность, но напротив, адаптируют реалии современного города к своему общинному по сути сознанию. Более того, они разрывают социальное пространство города, проводя жирную черту между «ними» и «другими» – всеми, кто живет в иных городских районах. Они считают свой район «только их» и убеждены, что имеют полное право регулировать все отношения в нем, в том числе «режим пребывания» и «правила поведения» чужаков, будь то иностранцы или жители «не своего» квартала, часто включая представителей городской администрации и даже полицейских. Такие районы есть в больших городах Ганы, Танзании, Южной Африки, других стран, но, наверное, наиболее известен в этом отношении нигерийский Лагос, многие, в том числе центральные части которого контролируются печально знаменитыми бандами «ребят района» (“area boys”).

Итак, общинность как стержневой организующий принцип оказывает прямое воздействие на все подсистемы африканского общества на всех уровнях его бытия на всем протяжении истории. По нашему мнению, именно этим в огромной степени объясняется специфика африканской культуры, африканской цивилизации. В воплощении в ней принципа общинности имеет смысл искать и корни своеобразия исторического процесса в субсахарской Африке.